

Н.В.Ракуц

Индийские языки Южной Америки

Рубеж XX—XXI вв. характеризуется сложным и уязвимым положением практически всех индийских языков Южной Америки. В сравнении, например, с Испанией, где демократизация привела к упрочению позиций языков меньшинств и обретению ими официального статуса, хотя также и к неоправданному языковому дроблению, в Южной Америке даже так называемые «официальные индийские языки» отнюдь не в равном положении с испанским и находятся под угрозой исчезновения ничуть не в меньшей степени, чем языки многих небольших по численности индийских групп.

Ключевые слова: Южная Америка, индийские языки, диалекты, дезинтеграция, внутренняя колонизация.

Язык является одной из важнейших составляющих культурной и этнической идентичности любого народа, и современные культурные процессы во всем мире, осложненные глобализацией, хорошо подтверждают это положение. Утрату языка лингвисты даже сравнивают с потерей биологического вида, поскольку известные сегодня случаи возрождения вышедших из употребления языков единичны (как иврит в Израиле, например). Неслучайно борьба за языковую самобытность все чаще становится знаменем национальных и националистических движений различного толка. В иберо-американском мире ситуация в этом смысле имеет и много общего с другими странами, и свою специфику, при том, что на Пиренейском полуострове, с одной стороны, и в Латинской Америке — с другой, она существенно различается. В Испании, как хорошо известно, борьба за автономию часто сопровождалась и борьбой за равноправие языков, причем ее еще

нельзя считать законченной. Получение официального статуса такими языками, как каталанский, баскский и галисийский имело дальнейшее развитие: на роль языков стали претендовать те, которые раньше считались в лучшем случае диалектами¹. В итоге вместо одного каталанского теперь постулируется наличие трех языков: каталанского, валенсийского и мальоркинского, из кастильского требуют законодательно выделить в качестве особого языка леонский баблэ и т.п., т.е. дело идет чуть ли не к тому, что местный вариант того же кастильского в каждой соответствующей автономии будет объявлен отдельным языком. Хорошо это или плохо — другой вопрос. Однако нелишне помнить, что мировой опыт на сей счет весьма негативен: подобное дробление уже приводило к дезинтеграции языков как таковых и даже к распаду государств. Достаточно упомянуть (хотя это и не было единственной причиной разделения прежде единого русского языка

Николай Викторович Ракуц — кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора культурологических исследований ИЛА РАН.

на русский, украинский и белорусский) оказавшуюся в конечном счете нежизнеспособной Чехословакию — везде начиналось с «языковой революции», формирования новых литературных языков. Еще более яркий и давний пример — выделение Португалии из Испании; современное напряженное положение в двуязычной Бельгии и многоязычной Индии, где штаты образованы по языковому принципу, как некогда советские республики. Конечно, можно вспомнить противоположные примеры Германии и Италии, но там **уже после** объединения происходила стандартизация языков, и признания официального статуса за благополучно существующими и сегодня диалектами никто не требует. Актуально другое: языковой вопрос в наше время крайне политизирован, и один и тот же язык в одном месте может быть признан языком, а в другом — только диалектом. Но во всяком случае несомненно, что сегодня языки Испании и Португалии, имея полный официальный статус, никак не находятся под угрозой исчезновения и обладают всеми возможностями для дальнейшего развития. Совершенно иное положение в Латинской Америке.

Конечно, ситуация с испанским, португальским, а в Гвиане — еще и с английским, голландским и французским или даже с тем же папьяменто на голландском острове Аруба в группе Антильских островов опасений не вызывает, разве что нужно учитывать возрастающую в ряде случаев «индеанизацию» (как это имеет место, например, в андских странах) испанского языка. Совсем другое дело — многочисленные индейские языки, тем более, что официального статуса они чаще всего не имеют, а даже его наличие реального положения не улучшает. Сразу оговорюсь, что в дальнейшем, в силу ряда причин, речь пойдет только о языках Южной Америки. Но, даже рассмотренные выборочно, они дают довольно неплохое представление о ситуации в целом.

Южная Америка интересна прежде всего тем, что в ней обитают носители сразу трех из крупнейших на сегодня

сохранившихся индейских языков, признанных, в том числе, и конституционно в соответствующих странах: кечуа, аймара и гуарани, а также мапуче, аналогичного статуса не имеющего, но также одного из крупнейших в Латинской Америке. К этому нужно добавить многие десятки и даже сотни «малых» языков, часть из которых сегодня или фактически уже утрачена, или может реально исчезнуть в самое ближайшее время (она Огненной Земли — последняя представительница этого народа умерла в 1999 г.²; индейцы Восточной Бразилии алакалуфы Чили; теуэльче Аргентины носителей языка — 4, а всего 200 человек, но по другим данным их 2000 или даже 4300 человек, что вызывает много вопросов относительно точности латиноамериканской статистики. Есть, конечно, группы, индейские по самосознанию (часто это обусловлено сохранением, например, общинной организации), но перешедшие на испанский (мучик на побережье Северного Перу, те же теуэльче в большинстве, индейцы Кубы), португальский (индейцы Восточной Бразилии, и т.д.) и другие языки (часть уру Боливии достаточно давно перешла на аймара или кечуа)³. При этом даже крупные языки во многих районах находятся нередко в ситуации, грозящей самому их существованию. От чего это зависит? Начнем с самого крупного индейского «языка» — кечуа, распространенного в Колумбии, Эквадоре, Перу, Боливии и Аргентине. Казалось бы, его положение должно было бы быть прочным — он признан официальным в Эквадоре, Перу и Боливии соответствующими конституциями⁴. Но важно в данном случае, что он признается таковым не на всей территории такой-то страны, а только в районах с преобладанием кечуаговорящего населения, т.е. с испанским языком он все равно не в одинаковом положении. А ведь в той же Лиме, столице Перу, сегодня для более 9% населения кечуа является родным языком. Однако недавние выступления депутатов в конгрессе на кечуа вызвали бурю негодования «общества»: в кон-

За плетением корзин (перуанская Амазония)

грессе де можно говорить только по-испански. Но почему? Раз язык официальный⁵... Беда кечуа в его крайней диалектной дробности, так что сегодня лингвисты предпочитают говорить не о языке кечуа, а о языковой семье кечуа (до 46 диалектов/языков, объединяемых в несколько групп, причем, говорящие на одном диалекте часто не понимают тех, кто изъясняется на другом)⁶. Фактически официальный статус при этом имеет только южно-перуанский кечуа, хотя даже и здесь различие между диалектом, например, Аякучо и Куско весьма существенны. Кроме того, на ситуацию с индейскими языками в целом влияет то обстоятельство, что в глазах метисного большинства говорить на кечуа, аймара и др. значит расписаться в том, что ты — бедный, необразованный, маргинал и т.п.⁷. Кому захочется? И люди, для которых родным языком является какой-либо индейский, всячески начинают от этого открещиваться, стесняются им пользоваться, стараются говорить пусть на «кухонном», но «цивилизованном» испанском. Проблема эта, впрочем, существует давно, еще с колониальных времен, когда образованным считался лишь индеец, хоть как-то знавший испанский. Добавьте к этому три официально действующих алфавита кечуа⁸, нехватку, как и в других случаях, средств на обучение, кадров учителей, и в результате в кечуанских школах преподают на испанском, в аймарских — на испанском же⁹.

При этом культурные ориентации и родной язык учащихся полностью игнорируются. Поэтому реальная угроза утраты целого ряда диалектов кечуа существует. Так, известный лингвист Дж.Тайлор поспешил, например, в 1990 г. описать диалект лараос в провинции Яуйос именно потому, что предвидел его скорое возможное исчезновение при малом количестве носителей и плюрилингвизме в данном конкретном районе¹⁰. Наиболее серьезная ситуация сложилась в северных районах Перу (так называемые «диалекты кечуа В/1»), а во многих местах страны кечуа уже исчез, например, в провинции Уарочичи, где когда-то записывали тексты на «классическом» кечуа, языка этого сегодня не существует и, по утверждениям местных жителей, индейцев в Уарочичи нет! Считается, в том числе и по данным собственно индейских организаций, что в Перу 30% (по другим данным — до 38%) населения — индейцы¹¹, но если подсчитать по количеству носителей индейских языков, то получается всего примерно 16,6%¹². Статистика, конечно, несовершенна, но все же... Таким образом, в настоящее время в Перу быть индейцем вовсе не значит обязательно говорить на каком-то индейском языке (в Эквадоре и Боливии связь этнической и языковой составляющих более тесная, но это отдельный вопрос).

В Аргентине диалекты кечуа в провинциях Катамарка и Ла Риоха уже исчезли, сохранился пока лишь диалект в Сантьяго дель Эстеро¹³.

Несколько иное положение с аймара, одним из официальных языков Боливии и Перу. Всего носителей — около 2 млн человек в Боливии, Перу и Чили. Но аймара имеет всего два основных диалекта, и политически индейцы-аймара гораздо сплоченнее кечуа. Два малых диалекта той же лингвистической группы в Перу — хакару и кауки, оторванные от основного массива аймароговорящего населения, живущие близ Лимы, находятся в совершенно различном положении. В то время как хакару, на котором говорят по-

рядка 2000 человек, остается живым языком, несмотря на стабильное хакару-испанское двуязычие представителей данной группы, кауки близок к исчезновению (на кауки реально говорят сегодня 4 человека, достаточно свободно — еще 20, но все это старики, никто из детей в настоящее время его не учит). Также на пороге ухода в небытие аймароязычные группы в перуанских департаментах Мокегуа и Такна. Однако важно отметить, что у аймара, в отличие от кечуа, гораздо выше уровень монолингвизма у женщин. При этом аймара в целом и отчасти кечуа все-таки имеют тенденцию к общему росту числа носителей (при уменьшении их численности в процентном отношении ко всему населению соответствующих стран)¹⁴.

Теперь о ситуации с гуарани. Он — официальный язык Парагвая, преподается в школах, на нем есть радиовещание и прочее. Но уже в колониальное время этот язык подвергся мощному испанскому влиянию, которое в дальнейшем только нарастало. Этот процесс происходил и в других местах, но все же ни кечуа, ни аймара не пережили столь глубокой испанизации. В итоге сегодня даже этот «чистый» (на самом деле уже весьма «грязный») гуарани находится под угрозой исчезновения. Сами парагвайцы считают, что говорят они на гуарани плохо, а парагвайский его вариант сегодня куда меньше гуарани, чем у чиригуано Восточной Боливии. Да и нет, получается, почему-то у населения особых стимулов говорить хорошо. Ситуацию можно было бы изменить через систему образования, но... Как и повсюду в Южной Америке (в тех же Перу и Боливии, например) ведется много разговоров о двуязычном образовании, оно декларируется и на государственном уровне, и по линии ЮНЕСКО, и т.д., но реально в жизнь воплощается весьма слабо, а часто просто уродливо. В итоге в Парагвае, например, все более прочные позиции занимает проникнувший уже и в литературу особый вариант гуарани — йопара (известный еще с XVIII в.), «чудовищный» диалект, а точнее — жаргон,

Индеанка с ламой (горные районы Перу)

зародившийся в среде самых нищих деклассированных городских слоев, еще более испанизированный, чем официальный гуарани (добавьте сюда, что парагвайский испанский, в свою очередь, основательно «гуаранизирован», так что получается смесь, с которой не сравнится никакой пиджин). Будучи прежде маргинальным явлением, своего рода промежуточным вариантом перехода от гуарани к испанскому, йопара сегодня активно расширяет сферы влияния и под угрозой исчезновения, в отличие от «чистого» гуарани, пока никак не находится. Но это типичный смешанный жаргон, и вряд ли можно вообще считать его гуарани¹⁵, символом/языком «непокоренного народа», как говорили раньше.

Таким образом, как видим, даже крупнейшие индейские языки Южной Америки не защищены от весьма реальных угроз, при всем их «официальном» статусе, разглагольствованиях о двуязычном образовании и т.д. И корень этих угроз — в проблемах как социальных, так и экономических, которые от провозглашения деклараций никоим образом не решаются. И это в странах, где индейцы составляют официально 25% населения (Эквадор), 30—38% (Перу) и более 50% (Боливия). Теперь посмотрим, какова ситуация в этих и других государствах Южной Америки с так называемыми «малыми» языками. За пределами вышеуказанной тройки только в Чили индейцы составляют 7% населения. В других странах — много

меньше: 1% (по другим данным 4%) в Аргентине, 1,5% в Венесуэле, 1,7% в Колумбии, менее 0,1% в Бразилии¹⁶. Надо при этом учесть, что в этот перечень входят и группы, уже утратившие свой язык. Эти малые языки находятся в еще более угрожаемом положении хотя бы из-за численности их носителей — от нескольких человек до нескольких десятков тысяч. Обычно считается, что язык группы, как и она сама, может исчезнуть, если ее численность — менее 600 человек, хотя реально все зависит от целого ряда обстоятельств¹⁷. Чтобы утратить язык и даже идентичность в целом, достаточно (опять напрашивается аналогия с биологическими видами) просто утратить привычную среду обитания. Но есть и другие факторы: натиск окружающего неиндейского населения, урбанизация и т.д. Недаром сегодня практически в большинстве стран Южной Америки отмечается такой феномен, как добровольно самоизолировавшиеся индейские группы, сознательно избегающие всяких контактов с внешним миром. Конституционно такое право у них даже есть... Но кого волнует подобная «мелочь» в эпоху глобализации, столь рекламируемой как благо для всего человечества? **Нам** (государству, корпорациям и, конечно же, остальному населению) нужны нефть, газ, древесина, уран... И если на территории таких вот не желающих глобализовываться «дикарей» (можно их так и не называть — это ничего не меняет) что-то такое имеется, то кто же будет с ними считаться? Государство быстро может и забыть о своих конституционных гарантиях, если ему это выгодно¹⁸. Так уже было в Эквадоре, Перу... В общем, происходит та же конкиста, но на новый лад. И индейцам нередко оказывается проще найти понимание у кого-то за рубежом, чем у «своих собственных» правительств, а тем более ТНК, которые вполне могут устранить препятствие для своей деятельности и чисто физически¹⁹. В итоге среди специалистов появляется мнение, что сегодня практически все языки Амазонии находятся под угрозой (более или менее сильной), что бы там официально ни декларировалось. Но борьба индейцев за свои права и за сохранение культур и языков — опять-

таки особая тема, которую здесь рассмотреть возможности нет.

Нельзя сказать, что в данном направлении совсем ничего не делается. В той же Бразилии на индейских территориях работают соответствующие школы, есть кадры, свои — индейские... В андских странах существуют организации преподавателей школ с двуязычным образованием (например, «Национальная Ассоциация преподавателей двуязычного обучения в Перу» — ANAMEBI). Но только этим проблема, увы, не снимается. Были примеры решения через суд вопросов, связанных с вторжением на индейские территории «добытчиков» полезных ископаемых, в той же Бразилии²⁰. Индейцы в итоге добивались получения части прибылей от организованных на их территориях разработок, но не удаления незваных гостей. Лишь на территории яноама в штате Рорайма (Бразилия) они — в данном случае просто вооруженные до зубов банды гаримпейро (искатели ценных металлов и минералов) — были выдворены благодаря усилиям американских антропологов при поддержке бразильских вооруженных сил, но успели при этом нанести району колоссальный экологический ущерб. В подобных случаях «демократические институты» работают на удивление медленно... «Сил быстрого реагирования» тут нет, не было и, похоже, не будет.

Если говорить об Амазонии — огромном регионе Южной Америки, поделенном между рядом стран (Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Перу, Боливия, Бразилия), то ситуация там тем более не выглядит радужной. В перуанской Амазонии, например, в 1993 г. насчитали 42 индейских «народов», но уже в 1997 г. новый подсчет дал такие результаты: 18 народов под угрозой исчезновения, 11 — уже исчезло за период 1950—1997 гг., самоизолированных групп — 7, нет данных — 6 (есть другие подсчеты с другими оценками: просто неясно, кого, кто и почему считает народом или группой и т.п., но итог — достаточно показательный). В целом в перуанской Амазонии исследователи к тому же отмечают наличие сильной тенденции к ее

испанизации²¹. Зафиксированы и случаи, которых прежде не было: уход самоизолировавшихся групп в Бразилию²².

В Боливии, если не считать удачной попытку с иностранной помощью сохранить язык уру в общине Ироиту, отношение властей к уру в целом остается прежним: ассимилировать через аймаризацию²³. В случаях с прочими малыми языками тенденция к испанизации прослеживается достаточно отчетливо. Официально в Боливии сегодня признано наличие 33 индейских народов, включая кечуа и аймара, из них 6 — численностью менее 50 человек, а 8 — уже практически испано-язычных²⁴.

В Бразилии насчитывают 222 индейских группы (160 языков), общей численностью 317 тыс. человек (всего населения 170 млн). Почти четверть из существующих языков с 50 или менее носителями, а 8% языков относятся к группам численностью от 51 до 100 человек, причем также имеет место ситуация, весьма нередкая как здесь, так и в других странах, когда число говорящих на данном конкретном языке составляет несколько человек при довольно большой численности группы в целом²⁵.

В колумбийской Амазонии насчитывается 37 языков, из них под угрозой исчезновения — не менее пяти²⁶. Эти данные, однако, очень приблизительны, так как необходимо учитывать достаточно высокую степень смешанности населения. Часто различные индейские группы проживают чересполосно на одной территории. Преподавание в некоторых индейских школах ведется исключительно на испанском. Возрастает давление на индейские группы со стороны испаноязычного большинства, что характерно, впрочем, для Амазонии в целом, а не только для Колумбии.

В эквадорской Амазонии сегодня имеется 8 индейских народов, из них в двух достаточно крупных группах уже явно проявилась тенденция к утрате своих языков и переходе на испанский, что обусловлено рядом причин, в том числе активной внутренней колонизацией²⁷.

Что касается Венесуэлы, т.е. данные о 36 индейских группах/народах, но сайе насчитывают, например, всего 6 человек, арутани — 29. Во многих группах, самих по себе достаточно многочисленных, число говорящих на своих языках мало (чайма: 63 человека из 3719; куманато: 49 из 527; манойо: 12 из 333; пи'риту: 50 из 225; салива: 36 из 236). При этом весьма высоко количество индейцев, живущих в городах (42% от общей численности индейского населения в 1992 г. и уже 66% в 2001). В среде городских индейцев процент говорящих на родных языках составляет только 64%, а в сельской местности — 85%. По данным венесуэльских ученых, сегодня 15 индейских языков находятся под угрозой исчезновения²⁸.

Таким образом, мы видим, что в Южной Америке в настоящее время нет обычно ни средств, ни кадров, а часто и желания добиться реализации всех соответствующих программ по сохранению языков коренных народов. И поэтому ситуация с индейскими языками в этом регионе представляется крайне серьезной, в том числе и из-за отсутствия на сегодняшний день во многих случаях реальных возможностей ее изменить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об этом см.: А.Н.Кожановский. Быть испанцем... М., 2006.

² Ch.Moss. Patagonia: a Cultural History. New York, 2008, p. 26.

³ См., напр.: www.en.wikipedia.org; www.ethnologue.com/show_language; www.geocities.com/jorgejsachunc; Н.В.Ракун. Религиозная политика инков и маргинальные группы населения империи. — Власть в аборигенной Америке. М., 2006, с. 56.

⁴ См., напр.: F.Arosena. Multiculturalism in Brazil, Bolivia and Peru. — <http://www.irr.org>, 2008.

⁵ El quechua regresa a Lima. — <http://lapenalinguistica.blogspot.com>, 13.VIII.2006.

⁶ Данная статистика приведена на сайте техасской Летней лингвистической школы, США (www.ethnologue.com) и принимается

не всеми специалистами; другие варианты выделения «диалектов» (условно говоря) кечуа см.: A.T o r e r o. El quechua y la historia social andina. La Habana, 1980; W.A d e l a a r, P.M u y s k e n. The Languages of the Andes. Cambridge, 2004, p. 184.

⁷ A.C h i r i n o s. Las lenguas indígenas peruanas mas allá del 2000: un panorama histórico. — www.revistandina.perucultural.org.

⁸ Об алфавитах кечуа см., например: www.aymara.ucb.edu.bo; www.fortunecity.com

⁹ M.T. d e l a P i e d r a. Literacies and Quechua oral language: Connecting Sociocultural Worlds and Linguistic Resources for Biliteracy Development. — Journal of Early Childhood Literacy, www.sagepub.com, 2006, N 6, p. 387—389; N.L e w e l l e n. Peasants in Transition. The Changing Economy of the Peruvian aymara: A General Systems Approach. Boulder, 1978.

¹⁰ G.T a y l o r. Le dialecte quechua de Larraos, Yauyos: étude morphologique. — Bull. Inst. fr. études andines. Lima, 1990, N 2, p. 293.

¹¹ W.A d e l a a r, P.M u y s k e n. Op. cit.: 11; <http://argentina.indimedia.org>

¹² Так это, например, по данным той же Летней лингвистической школы.

¹³ W.A d e l a a r, P.M u y s k e n. Op. cit., p. 169.

¹⁴ A.C h i r i n o s. Op. cit.; M.J.H a r d m a n. Fuente de datos y persona gramatical en jaqi. — Amerindia. Paris, 1988, N 13.

¹⁵ Вышеприведенные данные по гуарани и йопаре основаны на подробно освещающей соответствующие вопросы статье: W.L u s t i g. Mba'éichapa oiko la guarani? Guaraní y jopara en el Paraguay. — www.staff.unimainz.de/lustig/guarani/art/jopara.pdf

¹⁶ W.A d e l a a r, P.M u y s k e n. Op. cit., p. 11.

¹⁷ M.M o n d r a g ó n C o r t e z. Perú: reflexiones en torno a las lenguas en peligro y sus tradiciones orales en la Amazonia. — Lenguas y sus tradiciones orales en la Amazonia. ¿Diversidad en peligro? La Habana, 2006, p. 263—266.

¹⁸ V.B r a c k e l a i r e, G.A z a n h a. Últimos pueblos indígenas aislados en América Latina: reto a la supervivencia. — Lenguas y sus tradiciones orales en la Amazonia, p. 315—317.

¹⁹ О таких убийствах, по тем или иным причинам, нередко сообщает латиноамериканская пресса. См., например: — www.metrolatinousa.com

²⁰ О Бразилии см., например: V.L e a. The Great Name Confirmation Ceremonies of the Möbêngôkre of Central Brazil and the Fabrication of Beautiful People. — Estudios Latinoamericanos. Varsovia — Poznań, 2005, N 25, p. 95—96.

²¹ M.M o n d r a g ó n C o r t e z. Op. cit., p. 257—261, 265.

²² V.B r a c k e l a i r e, G.A z a n h a. Op. cit., p. 350, 354.

²³ N.W a c h t e l. Gods and Vampires: Return to Chipaya. Chicago — London, 1994, p. 130; P.M u y s k e n. Uchumataqu: Research in Progress on the Bolivian Altiplano. — International Journal on Multicultural Studies, 2002. — www.unesco.org

²⁴ C.B.L o z a. Bolivia: balance de las lenguas en peligro. — Lenguas y sus tradiciones orales en la Amazonia, p. 54—56.

²⁵ См. подробную статью по этому вопросу со статистическими данными: K.S t e n z e l. Lenguas y tradiciones orales en la Amazonia brasileña. — Lenguas y sus tradiciones orales en la Amazonia, p. 71—121.

²⁶ Основано на данных статьи: D.A g u i r r e L i c h t, A.R e i n o s o. El Amazonas colombiano. Pluralidad étnica y lingüística. — Lenguas y sus tradiciones orales en la Amazonia, p. 125—179.

²⁷ M.H a b o u d. Políticas lingüísticas y culturales: el caso de la Amazonia ecuatoriana. — Lenguas y sus tradiciones orales en la Amazonia, p. 183—251.

²⁸ M.-C.M a t t e i. Lenguas indígenas de Venezuela en peligro de extinción. — Lenguas y sus tradiciones orales en la Amazonia, p. 283—311.